

ИГОРЬ ЛЕНСКИЙ

ЦИКЛ "МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И ИСТИНОЙ"

ЧУЖАЯ ТИШИНА

#3

Игорь Ленский
Чужая тишина

«Автор»

2026

Ленский И.

Чужая тишина / И. Ленский — «Автор», 2026

Когда случайные грибники находят в глухой чаще под Котбусом полуистлевший спальный мешок с телом юноши, полиция быстро заходит в тупик. Ни следов насилия, ни улики, ни имени. Делу грозит статус безнадежного «глухаря», и полиция, отчаявшись, выкладывает материалы в открытый доступ. Егор думал, что навсегда закрыл дверь в изнанку реальности. Но чужая тишина сама приходит в его берлинскую квартиру — ледящим холодом, предсмертным шепотом и шуршанием змеиной чешуи в темноте. Знак подан, и Егор берется за расследование. Ему предстоит распутать клубок, где жертва оказалась жестоким преступником, а убийца — защитником и карателем. И когда маски будут сброшены, Егору придется принять самый тяжелый вызов: выдать мстителя закону или позволить ему остаться безнаказанным?

© Ленский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чужая тишина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Игорь Ленский

Чужая тишина

Чужая тишина

Пролог

Берлин никогда не спал по-настоящему, но умел притворяться глухим.

За окном съемной квартиры на Потсдамер Штрассе город жил своей обычной, сытой и равнодушной ночной жизнью. Где-то внизу, на стыке асфальта и неоновых светов, доносился глухой гул ночного поезда, взвизгивали тормоза такси, а ветер гнал по тротуару пустую жестяную банку из-под колы. Обычный шум мегаполиса. Белый шум, к которому привыкаешь так же быстро, как к собственному пульсу.

Егор сидел за столом, глядя в мерцающий экран ноутбука. На часах было начало четвертого утра. Глаза пекло от усталости, но сон не шел — то самое липкое, предгрозовое чувство в груди, которое он так отчаянно пытался игнорировать последние полгода, снова ворочалось внутри. Опыт прошлых лет научил его: эта изнанка реальности никогда не уходит насовсем. Она просто ждет, пока ты ослабишь хватку.

На экране была открыта официальная страница берлинской полиции — раздел гражданского содействия расследованиям. «Личность не установлена. Причина смерти не установлена». Сухие бюрократические строчки немецкого репортажа. Чуть ниже — серия фотографий из Бранденбургского леса, сделанных где-то под Котбусом, где случайные грибники, сошедшие с тропы в глухую чащу, наткнулись на страшную находку. Глухой сосновый бор, серая, выбеленная дождями песчаная почва, иголки. И центр композиции — полуистлевший, грязно-зеленый спальный мешок, наполовину засыпанный опавшей хвоей. Судя по экспертизе, человек пролежал там больше года.

Егор потянулся к чашке с остывшим кофе, и в этот момент звук выключили.

Это произошло мгновенно. Шум Потсдамер Штрассе, далекие сирены, гул автострადы — всё отрезало, словно кто-то перерезал провода в его голове. Навалилась такая плотная, неестественная тишина, что Егор услышал стук собственного сердца. Чужая, мертвая тишина Бранденбургских лесов ворвалась в берлинскую комнату.

Температура упала так стремительно, что кожа покрылась крупными мурашками. Егор сделал вдох — и изо рта вырвалось прозрачное облачко густого пара. Он медленно опустил взгляд на свои пальцы, лежащие на клавиатуре: они посинели от резкого, арктического холода.

Экран ноутбука коротко, болезненно моргнул. Цифровые фотографии полиции пошли рябью, цвета сместились в грязно-серый спектр. Егор замер, не смея дышать.

На мониторе, прямо под брезентовой тканью годовалого спального мешка, что-то пришло в движение.

Это не было игрой света. Под оцифрованным, мертвым полотном медленно, волнообразно перекачивалось что-то длинное, гибкое и абсолютно живое. Оно скользило внутри мешка, очерчивая контуры невидимого тела.

И тогда раздался звук. Не из динамиков компьютера. Он родился в самом темном углу комнаты, за шкафом, и пополз по плинтусу прямо к ногам Егора. Это был сухой, шуршащий, ни с чем не сравнимый звук — звук чешуи рептилии, трущейся о плотную, грубую ткань. Шурх... шурх...

Егор попытался встать, но мышцы сковал паралич. Холод скользнул по лодыжкам. А затем прямо над его ухом, так близко, что он почувствовал ледяное дыхание на шее, раздался едва слышный, замерзающий шепот. Юношеский голос, с мягким, надрывным украинским выговором: — Тут так холодно... Боже, чому вони всі мовчать?..

Егор резко зажмурился, сжал кулаки и через силу, ломая оцепенение, выкрикнул в пустоту: — Кто здесь?!

Звук собственного голоса ударил по барабанным перепонкам. В ту же секунду Берлин с грохотом вернулся на место. За окном привычно взывала сирена скорой, ноутбук ровно загудел кулером, транслируя статичную, неподвижную фотографию лесной находки. Батарея у стены дышала сухим теплом.

Егор тяжело дышал, глядя в угол комнаты. Никого. Он медленно разжал правую ладонь, которую свело судорогой во время видения.

На бледной коже, прямо посреди ладони, лежала крошечная, почти прозрачная, ромбовидная чешуйка. Она блестела в свете монитора. Егор коснулся её пальцем — чешуйка тут же растаяла, оставив после себя лишь каплю ледяной, пахнувшей болотной сыростью воды.

Егор посмотрел на экран, на блеклые остатки спального мешка в сухом бранденбургском песке. — Ну привет, — тихо сказал он в пустоту. — Значит, поход в лес.

Глава 1

В деревянном доме на самой окраине затерявшейся в лесах украинской деревни горела всего одна тусклая лампа. Окна были наглухо занавешены плотными шерстяными одеялами — светомаскировка давно стала здесь привычкой, укоренившейся на уровне инстинктов.

Отец Тараса, грузный, потемневший от тяжелой работы мужчина, сидел у стола. На засаленной клеенке лежала старая топографическая карта приграничного района.

С грустью в голосе отец проговорил: — Собирай вещи, Тарас. В полночь выдвигаемся. Я договорился. Нас будут ждать вот в этой точке.

Он достал из-за пояса тяжелый охотничий нож с костяной рукоятью и с глухим стуком ткнул острием в исчерченную разноцветными линиями бумагу, оставив в ней небольшую рваную дыру.

Семнадцатилетний Тарас, сидевший на сундуке у печи, вздрогнул. Мать, стоявшая у плиты, беззвучно закрыла лицо руками. Его судьбу только что решили одним ударом лезвия.

— Жена, доставай десять тысяч из чулка, — сурово продолжал отец, не глядя на нее. — Все, что откладывали. Его переведут через границу в обход кордонов. В Польше Тараса встретят нужные люди, на машине привезут до самой Германии. Там проблем быть не должно, ему помогут оформиться, дадут статус беженца, крышу над головой. В той стране он будет в безопасности.

Отец поднял тяжелый взгляд на сына. В глубине его глаз плескалась глухая, отчаянная злоба человека, прижатого к стене.

— Говорят, завтра-послезавтра выйдет указ — мобилизовать будут уже восемнадцатилетних, — со злостью в голосе выплюнул он, крепче сжимая рукоять ножа. — Я не собираюсь терять единственного сына на этой войне. Пусть чиновники своих сначала на фронт пошлют. А если военкомы доберутся до нашей деревни — пусть приходят. Пожалеют. Мужики уже подготовили свои охотничьи ружья. Живым из нашего леса никто никого не увезет. Но ты, Тарас, должен жить. Собирайся.

Мать, всхлипывая, пошла к спальне — доставать запрятанные на самый крайний случай сбережения. В комнате повисла тяжелая, душная тишина. Тарас смотрел на рваную дыру в карте, пробитую отцовским ножом. Там, в ночной темноте густого приграничного леса, его должна была встретить чужая, неизвестная жизнь. И пути назад уже не было.

Глава 2

Тарас — рослый, крепкий деревенский парень с широкими плечами и кулаками с молот — вышел ночью из машины, которая довезла его из Польши прямо в Берлин, к лагерю для украинских беженцев. Получив короткие указания от одного из сопровождающих, он остался один на пустой улице. Машина шуршала шинами, стремительно растворяясь в темноте мегаполиса. Тарас должен был ждать утра у ворот, пока не появятся чиновники для его оформления и приема в лагерь.

Он положил тяжелую дорожную сумку прямо на холодный асфальт. Берлин встретил его пронизывающей ночной прохладой. Сильный, рослый парень съезился от этого ветра, глубже пряча руки в карманы своей толстовки и испуганно озираясь по сторонам.

На КПП лагеря горел тусклый свет. Охрана здесь состояла из русскоговорящих сотрудников, что немного разбавляло давящую чуждость огромного города. Из железного вагончика, лениво потягиваясь, вышел дежурный. Это был Владимир — охранник лет двадцати двух, худой, небольшого роста парень с непослушной копной русых волос, одетый в черную форменную одежду со множеством карманов.

Завидев стоящего неподалеку Тараса, Владимир неторопливо подошел ближе. Он на ходу достал из пачки две сигареты и протянул одну из них парню.

— Вижу, что к нам. Угощайся, — дружелюбно сказал он, чиркнув зажигалкой. Огонек на секунду выхватил из темноты его простое, открытое лицо.

Тарас помялся секунду, глядя на протянутую сигарету. Курить на глазах у отца дома он бы никогда не осмелился — за такое отцовский кулак прилетел бы без предупреждений. Но отца здесь больше не было. Был только этот чужой, пахнущий кебабами город.

Парень вытащил руку из кармана толстовки, взял сигарету и неловко нагнулся к огоньку зажигалки в ладонях Владимира.

— Спасибо, — глухо отозвался Тарас. Назвать свое имя он почему-то постеснялся.

Владимир глубоко затянулся, поднял глаза на массивную фигуру ночного гостя и усмехнулся: — Ну и плечи у тебя, земляк. Тебе бы не в лагере киснуть, а мешки на стройке ворочать. Откуда призыв? В смысле, откуда приехал?

— Из-под Ковеля я. Деревня у нас там, — Тарас выпустил струю дыма, которая тут же растворилась в холодном берлинском воздухе. — Отец через границу переправил. Сказал, в Германии безопаснее. Что тут Югентамт, помогут...

Владимир понимающе кивнул, опёршись спиной о металлический забор КПП. — Югентамт — это да, если тебе восемнадцати нет, они опеку дадут. Общагу выделяют, карманные деньги. Жить можно. Мне вот с этим попроще было, когда мы переезжали.

— А ты откуда? — несмело спросил Тарас, согреваясь от табачного дыма. — Говоришь по-русски без акцента почти.

— Так я из России, — просто ответил охранник, похлопав себя по набитым карманам куртки. — Мои предки вообще с Поволжья, немцы мы. Ну, по документам, понимаешь? Лет десять назад по программе поздних переселенцев сюда рванули. Отец на заводе устроился, мать в супермаркете, ну а я вот — в охране. Живем тут недалеко, в обычном спальном районе, панелька как панелька. От Союза не сильно отличается, только чисто везде и пиво дешевое.

Владимир сплюнул на асфальт и внимательно посмотрел на уставшего с дороги парня. — Ты не дрейфь. Охрана тут нормальная, все свои, по-русски шпрехают. Ночью тебя не оформят — чинуши немецкие только к девяти утра свои задницы в кабинеты принесут. Так что давай, заходи пока к нам в вагончик. Чай шварц попьем, погреешься. А то до утра тут дуба дашь в своей коффе.

Тарас посмотрел на светящееся окно железной будки, потом на свою тяжелую сумку. Впервые за несколько суток дикого, изматывающего пути в его груди немного отпустило глухое

подложечное чувство страха. Этот худой парень в черной форме казался ему сейчас самым надежным человеком на земле.

— Пошли, — кивнул Тарас и подхватил сумку.

Внутри вагончика пахло растворимым кофе, старым обогревателем и дешёвым пластиком. На узком столе, заваленном журналами дежурств и распечатками инструкций, шумел выдавший виды электрический чайник. Здесь было натоплено так сильно, что у Тараса с неприщипки сразу закололо в носу от сухого тепла, а на лбу выступили крупные капли пота.

— Бросай свой баул в угол и падай, — Владимир по-хозяйски указал на стул. — Сейчас чай заварим. Сахар любишь? У нас тут где-то полпачки рафинада было.

Тарас аккуратно пристроил сумку у двери и сел, чувствуя себя огромным и неуклюжим в этом тесном пространстве. Каждое движение Владимира казалось ему удивительно точным и уверенным — парень явно чувствовал себя здесь как дома.

— Спасибо, — тихо сказал Тарас, принимая от охранника щербатую кружку с тёмным, почти чёрным чаем. — Хорошо у тебя тут. Тихо.

— Это пока ночь — тихо, — усмехнулся Владимир, усаживаясь на крутящийся стул напротив и шумно прихлёбывая из своей кружки. — Днём тут такой дурдом начинается, кони двинуть можно. Документы, проверки... Ладно, хоть платят вовремя. Хотя я за эту работу зубами держусь. Школу тут заканчивал, аттестат еле получил — все никак не мог после России интегрироваться. Отец поначалу орал: «Иди на стройку, мужик должен руками впахивать!». Он у меня суровый, старой закалки. В Поволжье всю жизнь на комбайне, пальцы вечно в мазуте. Сюда приехали — он немецкий так и не выучил толком. Ругается на стройке по-русски, но его всё равно уважают, потому что руки золотые.

Владимир покрутил в пальцах остывшую зажигалку и заулыбался, вспоминая дом. — Мать у меня попроще, в супермаркете кассиршей устроилась. Ей лишь бы дома всё аккуратно было, чисто, по-немецки. Мы когда квартиру в Марцане получили — район у нас тут такой, в обычной панельке — она там такой ремонт отбухала, закачаешься. Обои светлые, занавесочки. У нас там вообще район весёлый — в каждом втором подъезде наши живут, а через дорогу турки кебаб крутят. Берлин, короче.

Тарас слушал, согревая пальцы о горячую кружку. Рассказы Владимира о мирной, почти семейной жизни в Берлине казались ему какой-то далёкой сказкой. Обычный спальный район, папа-работяга, мама, выбирающая обои... После тёмных лесов, ночного побега и криков отца про охотничьи ружья это выглядело как другая планета.

— А братья или сёстры у тебя есть? — спросил Тарас, впервые за вечер проявив любопытство.

Лицо Владимира на секунду изменилось. Взгляд стал мягче, но в нём промелькнуло какое-то странное, ревностное беспокойство. — Сестра младшая есть. Мирослава. Мы её Мирой зовём. Семнадцать ей, как раз твоего возраста, — Владимир коротко барабанил пальцами по столу. — Красавица выросла, глаз не оторвать. Только дурная ещё, наивная — жуть. Парни вокруг неё так и крутятся, особенно из местных, ушлых. А я за ней приглядываю. Отец сразу сказал: «Вовка, ты старший, головой за неё отвечаешь. Не дай бог какой козёл её обидит — с тебя спрошу». Вот и пасу её, как овчарка. Она злится, кричит, что я ей жизнь порчу. А как по-другому? Время сейчас паршивое, кругом одни волки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.